

фологических представлений может послужить хорошим средством в борьбе против их пережитков, создает основу для понимания русской календарной поэзии. Картографирование календарной обрядности, возможно, помогло бы в изучении некоторых этногенетических процессов.

Хотя книга В. Я. Проппа не претендует на исчерпывающую характеристику русского земледельческого календаря, она является важным этапом в разработке этой проблемы в целом. Автор намечает закономерности в обрядности, последовательно раскрывая ее аграрно-магическое значение и связывая ее с трудовой деятельностью людей.

Написанная просто и живо, книга доступна широкому кругу читателей и с интересом будет ими прочитана.

Г. Носова

К. И. Антипина. *Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов*. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962, 289 стр.

Рецензируемая книга является первым в советской этнографической литературе монографическим исследованием особенностей материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. В более широком плане и в общем виде этот вопрос ставился лишь Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедицией (1953—1955 гг.). Е. И. Махова, член этой экспедиции, коротко изложила исследование вопроса в статье «Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза» (Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, Фрунзе, 1959). Она ориентировочно выделила северный, северо-западный, южный и промежуточный, расположенный между северо-западным и южным, комплексы материальной культуры, характерные для различных этнографических групп киргизов.

В монографии К. И. Антипиной рассматривается материальная культура киргизов, входящая в южный и промежуточный комплексы — по классификации Е. И. Маховой.

В рецензируемой книге автор поставила задачу — выявить этнический облик, вскрыть самобытные черты и своеобразие южных киргизов, отметить лучшие народные традиции, изучить более ранние формы материальной культуры, черты сходства и различий в быту основных родоплеменных групп юга Киргизии, установить характерный для данной территории комплекс материальной культуры как часть общекиргизской, а также проследить основные изменения, происходившие за годы Советской власти, и дать некоторое представление о современных формах бытового уклада южных киргизов. Этот большой и важный круг вопросов связан с проблемой этногенеза киргизов и социалистическим строительством. Отсюда ясно, что избранная К. И. Антипиной тема имеет актуальное значение.

Основным материалом для написания монографии послужили собственные наблюдения и полевые материалы автора, а также литературные, музейные и архивные источники.

Монография состоит из трех глав, заголовки которых передают их содержание: I — «Домашние производства, ремесла, художественные занятия» (стр. 16—153), II — «Селение и жилище» (стр. 154—216), III — Одежда и украшения (стр. 217—274). В конце книги дан весьма необходимый для такого рода изданий указатель местных терминов (стр. 219—274).

Монография снабжена прекрасными иллюстрациями с четкими надписями. Построенная на богатых, разносторонних и свежих материалах, она является ценным научным трудом, вносящим значительный вклад в советскую этнографическую науку.

В результате исследования автор вполне обоснованно приходит к выводу о наличии двух комплексов (юго-западного и юго-восточного) киргизской материальной культуры в южной части Ошской области. В то же время в культуре южных киргизов много общих специфических черт, которые существенно отличают их от иссык-кульских, тьяншанских, чуйских; имеется также ряд черт, характерных для всего киргизского народа. При помощи широкого сравнительного анализа в монографии вскрывается также общность элементов киргизской культуры, возникшей на базе кочевого, скотоводческого хозяйства, с культурой тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии: казахов, каракалпаков, полукочевых узбеков, алтайцев.

Автор анализирует прогрессивные последствия присоединения Южной Киргизии к России, а также кардинальные изменения в жизни киргизского народа, связанные с социалистическими преобразованиями, когда совершается коренная перестройка всей общественной и культурной жизни, решительный перелом в производстве материальных ценностей. К сожалению, историографический раздел монографии написан слабо.

Автор лишь перечисляет работы своих предшественников, не давая развернутой оценки вносимого ими вклада в науку. Однако следует отметить, что в ряде разделов автор дает более подробную характеристику литературы и источников.

В монографии особенно интересна первая глава — «Домашние производства, ремесла, художественные занятия». В ней квалифицированно и достаточно подробно, без повторения общеизвестных литературных материалов описаны технические приемы производства киргизских мастеров и ремесленников, а также орнаментика, которая до сих пор изучена слабо. Неверный подход к изучению орнамента является причиной появления в этнографической литературе ряда спорных утверждений, например, гипотезы о повествовательном характере киргизского узора, выдвинутой М. В. Рындиным и А. Н. Бернштамом.

Основным недостатком первой главы является то обстоятельство, что автор уделяет неодинаковое внимание различным отраслям домашних промыслов и ремесел. Наиболее удачно в монографии исследовано войлочн-ткацкое производство киргизов. Здесь К. И. Антипина проявила эрудицию, хорошее знание советской этнографической литературы и источников. На основе широкого сравнительного анализа этого вопроса она пришла к целому ряду обобщающих и оригинальных выводов, представляющих большой интерес для изучения аналогичных вопросов этнографии казахского и узбекского народов. Однако в других разделах главы сравнительному анализу источников уделено меньшее внимание.

Вызывает некоторые возражения и структура главы. Производство деревянного остова юрты, которое издавна является одним из важнейших ремесел скотоводов-кочевников, и в том числе киргизов, почему-то вынесено без всяких оговорок во вторую главу, за рамки раздела, посвященного деревообделочному ремеслу. Производство чия следовало бы дать в разделе ткачества, а не плетения или же выделить отдельно. Описание же плетения лучше было начать с вития арканов. Кстати, здесь допущена ошибка. Автор пишет: «Из ...жгутиков вяют бечевку. Этот вид работы заключается в соединении и ссучивании жгутиков. Мастерница берет один за другим жгуты, распямляет их, соединяет концы и затем скручивает ладонями... Бечевка толщиной примерно 1,5 см достаточно прочна, крепка и широко употребляется в хозяйственной жизни и в быту. Из нее делают привязи для овец, телят, жеребят, коз, ею перевязывают выюки, скрепляют части юрты, используют ее в качестве вожжей и пр.» (стр. 49). Это неверно, так как для такого применения одинарная бечевка не годится, потому что она является только материалом для производства изделий и очень непрочна. При изготовлении самой простой привязи для коз нужно свить веревку из двойной бечевки.

Далее указывается, что «шерстяная основа в значительной степени определяет качество киргизского ковра. Она прочна, но толста, груба, чем резко отличается от основы, приготавливаемой туркменами, изящество изделий которых известно» (стр. 77). Здесь чувствуется противоречие. С одной стороны, причиной грубости основы ковра является сама природа овечьей шерсти, а с другой стороны, из той же шерсти туркмены делают изящные основы ковра. Значит причина плохого качества ковра не в шерсти, а в недостаточном мастерстве, так как дальше читаем: «В этом отношении отличаются старинные мелкие ковровые изделия, у которых основа была значительно тоньше» (стр. 7). Видимо, их основа тоже из той же шерсти.

По поводу утверждения автора, что «под плотностью понимается количество ворсовых узлов, которые делает мастерница на 1 дм^2 » (стр. 80), заметим, что мастерница не может сократить или увеличить количество ворсовых узлов, это полностью зависит только от количества и толщины нити основы и утка.

Во второй главе монографии дана характеристика переносного и постоянного жилища южных киргизов.

Интересно подробное и полное описание устройства юрты, ее убранства, а также техники изготовления ее составных частей. Автором удачно прослежены локальные различия в переносном жилище, в его убранстве и украшении. Положительным моментом является и широкое привлечение автором сравнительных материалов для характеристики и выявления специфики переносного жилища и его разновидностей по другим районам Киргизии, а также у других народов Средней Азии и Казахстана.

Интересно описано и постоянное жилище южных киргизов. Но материал здесь изложен статично и потому у читателя не складывается четкого представления о времени возникновения первых постоянных жилищ, их формах, строительной технике, строительном материале и дальнейшем развитии и совершенствовании жилища. Отсюда неясно, какие же изменения претерпело постоянное жилище Южной Киргизии на протяжении своей истории.

Скупое дано описание типов поселений южных киргизов (особенно четвертого типа) и усадьбы. Неясно, какой же тип усадьбы господствует сейчас на юге Киргизии и почему. Судя по заключительной части главы, тип современного жилого дома выработан. Строится также жилище и по типовым проектам. Следовало бы об этом сказать не в виде общих заключительных фраз, а дать развернутую характеристику современного жилого дома колхозников, выявить причины выбора того или иного строительного

го материала, строительной техники, описать планировку и, конечно, убранство такого дома со всеми новыми элементами. Нужно было бы рассмотреть достоинства и недостатки типового проектирования.

Укажем некоторые мелкие ошибки монографии. На стр. 159 автор пишет, что «кереге көз» состоит из больших отверстий, а «жел көз» — из маленьких. В действительности же кереге лучшего качества, прочное, делается с маленькими ячейками и называется оно тор көз, а с большими — желкөз. На стр. 159—160 автор утверждает, что кереге в Киргизии делается цельное для всей юрты, а затем распиливается на части. Нам кажется, что автор здесь ошибается. Во всяком случае, у казахов и, как мы думаем, у киргизов кереге делается из отдельных звеньев, которые при постановке юрты составляют одно целое. Кстати, сама постановка юрты в книге описана не четко (стр. 161).

В последней, третьей главе монографии, посвященной мужской и женской одежде, а также украшениям южных киргизов, автор вслед за кратким обзором литературы и музейных коллекций хорошо описывает материалы, используемые при изготовлении одежды в разные времена года, а также говорит о значении готовых изделий в быту киргизов.

Автор подробно характеризует отдельные элементы мужской и женской одежды, устанавливая возрастные, социальные и племенные различия в одежде южных киргизов. Она показывает и причины изменений в мужской и женской одежде и украшениях (торговля, новые формы хозяйства, переход к оседлости, более тесное общение с соседними народами, упадок некоторых домашних промыслов и возрастающая связь с городом), стирание племенных различий в одежде, исчезновение старинных элементов одежды, характерных для феодального периода (парчовые халаты, замшевые вышитые шаровары, громоздкие женские головные уборы, некоторые виды украшений и т. д.), появление новых, более удобных форм одежды, коренные изменения в одежде в годы Советской власти.

Монография К. И. Антипиной несомненно является значительным и весьма ценным этнографическим трудом. Автор весьма далек от сухого, беспристрастного описания научных материалов. Она тщательно устанавливает отжившие и прогрессивные элементы и формы культуры, их происхождение и развитие, характеризует значение социалистических преобразований, показывает национальную специфику рассматриваемых явлений, вносит свои рекомендации в отношении дальнейшего развития материальной культуры киргизского народа. Отмечены же нами некоторые недостатки монографии несколько не снижают ее высокую оценку.

Х. Аргынбаев, В. Востров, Э. Масанов, Р. Ходжаева

Г. С. Гаситашвили. *Народные способы деревообработки*, редактор Г. С. Чията, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.)

Обработка дерева в Грузии имеет богатые традиции и уходит корнями в глубокую древность. Уже в неолите на территории Грузии (Кистрик, Тетрамица) имелись орудия труда, предназначенные для деревообработки. В последующие эпохи обработка древесины получила широкое распространение и всегда занимала почетное место в хозяйственной жизни грузинского народа.

В научной литературе давно уже разрабатываются вопросы, связанные с искусством резьбы по дереву, с использованием древесины в архитектуре и т. п. Однако народные способы обработки дерева для хозяйственных и бытовых нужд до сих пор еще никем не изучались, и работа Г. С. Гаситашвили является по существу первой попыткой подобного рода. Автор рассматривает народные способы обработки дерева на материалах Боржомского ущелья, в котором деревообработка была основным видом ремесленного производства. Богатый этнографический материал, собранный на месте, и широкое использование специальной и общей литературы позволили автору глубоко и всесторонне изучить вопрос.

Работа открывается краткой историко-этнографической характеристикой населения Боржомского ущелья. Далее автор подробно останавливается на разделении труда при обработке дерева. Заготовкой и первоначальной разделкой древесины занимались знатоки «лесного дела» («ткис сакме»), среди которых в свою очередь выделялись более узкие специалисты: рубщики, распиловщики и т. п. Дальнейшая обработка была делом рук мастеров-деревообделочников (знатоков «хис сакме») самых различных специальностей. Большой споровки требовала перегонка плотов («цклис сакме») вниз по Куре. Плоты использовались вообще как транспортное средство и на них, по